

ликого, наполненных фантастическими рассказами, прославляющими благочестие, мудрость и стойкость католического духовенства, притесняемого нечестивым «варваром» Тотилой, нашла свое отражение церковная традиция, вынесшая перед лицом истории обвинительный вердикт Тотиле именно за то, что он в своей социально-экономической политике посягнул на владения католической церкви и задел наиболее существенные интересы католического духовенства. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что «Прагматическая санкция» 554 г., отменявшая все социально-экономические преобразования Тотилы, была издана византийским правительством по настоянию римского папы Вигилия и защищала притязания католической церкви на возврат захваченных в правление Тотилы церковных имуществ³⁷.

Особая ненависть к Тотиле крупных землевладельцев и высшего католического духовенства Италии, нашедшая отражение в источниках VI—VII вв., была обусловлена в первую очередь социально-экономической политикой Тотилы, серьезно ущемлявшей экономические интересы старой римской аристократии и высшего католического духовенства. Этого никогда нельзя забывать, изучая рассказы современников и других авторов, описывавших социально-экономическую деятельность Тотилы. Однако на основании этих порою весьма отрывочных и всегда весьма тенденциозных данных источников все же представляется возможным, при условии изучения всей совокупности их данных и учета их политической направленности, восстановить довольно полную картину широких социально-экономических преобразований, проводимых остготским правительством в период правления Тотилы³⁸.

Изучение данных источников показывает, что в правление этого остготского короля в Италии произошли серьезные сдвиги в социально-экономической жизни населения Апеннинского полуострова.

³⁷ Pragmatica Sanctio, cap. 1, 2, 4, 8, 13, 14, 15, 17.

³⁸ В научной литературе существуют различные точки зрения в оценке правления Тотилы. Л. М. Хартманн в своем классическом труде по истории средневековой Италии дает весьма положительную оценку правления Тотилы, с восхищением описывает его героическую борьбу с Восточной Римской империей (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I. Gotha, 1897, S. 296 f). Напротив, Э. Штейн (E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1950, p. 568—569) считает, что историческая роль Тотилы в целом была отрицательной, ибо его деятельность в течение 10-летней изнурительной войны с Византией привела якобы к опустошению Италии, а его значительные успехи в этой борьбе были эфемерными. Поэтому Э. Штейн полагает, что Тотилу нельзя ставить наравне с наиболее выдающимися деятелями всемирной истории. Но все же, по мнению Штейна, Тотилу можно в некоторых отношениях сравнивать с Ганнибалом, не рискуя быть смешным. Во всяком случае Э. Штейн признает, что после Юлия Цезаря и до Ираклия трудно найти государственного человека, который был бы столь прозорлив в экономических и социальных делах, столь смел в выборе средств, столь искусен в их использовании, как Тотила (ibidem). Английский историк Бэри не только дает весьма отрицательную оценку правления Тотилы, но стремится принизить и полководческое дарование Тотилы и доказать, что успехи Тотилы были обусловлены во многом несостоятельностью политики имперского правительства в Италии (J. V. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II. London, 1923, p. 268). Бэри восстает против той характеристики моральных качеств Тотилы, которую им дают Прокопий (Procopius. De bello Gothico, III, 5, § 19; 6, § 4; 8, § 1-9; 20, § 25; 21, § 1, 6—11, 17; 36, § 25, 28) и автор Liber pontificalis (Vita Vigili, cap. 7). Делая акцент на других местах труда Прокопия (Procopius. De bello Gothico, III, 6, § 26; 10, § 19—22; 12, § 19; 15, § 14—16; 20, § 24; 26, § 27; 30, § 20) и на легендарной церковной традиции, нашедшей отражение в диалогах папы Григория I (Gregorii I parae Dialogi, I, 2; II, 15, 31; III, 11, 18), Бэри рисует Тотилу коварным и жестоким варваром, свирепость которого не знала пределов (J. V. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II, p. 269).